

не различаются самоназвания (эндоэтнонимы) и наименования, данные другими народами (экзоэтнонимы). Этнонимический материал, обобщенный в литературе, свидетельствует о том, что категории, выделенные М. А. Членовым, могут быть соотнесены как с самоназваниями, так и с экзоэтнонимами. Следовательно, можно будет выделять среди самоназваний микроэндоэтнонимы, истинные эндоэтнонимы, макроэндоэтнонимы; а среди экзоэтнонимов — микроэкзоэтнонимы, истинные экзоэтнонимы, макроэкзоэтнонимы. Примечательно, что в реальной жизни этноса каждая из этих категорий может быть представлена несколькими наименованиями. Исторически экзоэтнонимы (как правило, более многочисленные в этнонимической системе) взаимопроницаемы с эндоэтнонимами. Среди наименований этноса, или, правильнее сказать, так или иначе (часто ошибочно) связанных с этносом, — значительна группа, названная М. А. Членовым «псевдоэтнонимами», которую в исторической (или палео-) этнонимии бывает довольно трудно отделить от «собственно этнонимов».

Для решения задач этногенеза народа и формирования его самосознания первоочередным представляется выявление в этнонимической системе самоназваний, утверждающих завершение формирования этноса.

При этом необходимо постоянно иметь в виду, что иерархичность самосознания на синхронном уровне отражается в иерархичности самоназваний, на что неоднократно обращали внимание советские исследователи⁵¹.

Достижения советской этнографической науки в разработке вопросов этнического самосознания несомненны. Но несомненно также и то, что дальнейшие этнографические исследования конкретного материала и его теоретическое осмысление позволят расширить наши представления в целом об этническом самосознании, о закономерностях его развития, которые имеют огромное научно-познавательное и практическое значение.

---

⁵¹ См., например: *Чистов К. В.* Этническая общность, этническое самосознание... С. 74; *Моногарова Л. Ф.* Эволюция национального самосознания припамирских народностей//Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980. С. 125, 126, 133, 134.

В. Ф. Петренко

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

Развитие городской цивилизации ведет к определенной унификации человеческого жилища, транспорта, предметов потребления. Телевизор и холодильник, телефон и легковая машина становятся привычными предметами жителей как Европы, так и Северной и Латинской Америки, Австралии и Средней Азии. Житель Костромы может носить сорочку, сшитую по европейской моде из материи, сотканной, скажем, в Индии, покупать продукты, например марокканские апельсины, в универсаме, спланированном по типу американских супермаркетов, свободно говорить, скажем, по-английски и оставаться при этом типичным представителем русского этноса. Как справедливо отмечает Ю. В. Бромлей¹, национальная специфика интериоризируется, ментализируется, акцент в ее изучении смещается с анализа внешних материальных носителей культуры к изучению внутренних (ментальных) форм представлений че-

---

¹ *Бромлей Ю. В.* К вопросу о влиянии особенностей культурной среды на психику//Сов. этнография. 1983. № 3. С. 67—75.

ловека о мире и о своем месте в нем. Наряду с классическим образом этнографа-путешественника, отправляющегося с рюкзаком в края далекие, появляется образ его коллеги, роющегося в городской свалке с целью составить картину потребления жителей большого города или при помощи опросников и анкет исследующего его этнический состав. Возможен и образ этнопсихолога с персональным компьютером вместо привычного диктофона, где на экране дисплея перед испытуемым разыгрываются различные бытовые стереотипные ситуации, и ответы последнего (оценка ситуации, прогноз ее развития и т. п.) записываются в памяти компьютера, структурируются и обрабатываются по заданной программе.

Усложнение и развитие человеческого общества, взаимопроникновение культур и стилей жизни, задачи воспитания человека-интернационалиста и одновременно патриота своей страны, своей национальной культуры поднимают вопросы, решение которых требует дальнейшей интеграции и кооперации наук о человеке — гуманитарных наук. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы дискуссии о предмете этнопсихологии, проводившейся на страницах журнала «Советская этнография» (А. Ф. Дашдамиров, С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей, И. С. Кон, Л. М. Дробижева, Г. В. Старовойтова и др.)², участники которой подчеркивали необходимость совместных усилий этнографов, психологов, историков, фольклористов для решения проблем идентификации человека в рамках того или иного этноса, для выделения психологического профиля представителей этноса, в частности определения понятия «национальный характер».

Высказывались дискуссионные взгляды, связанные, в частности, с влиянием биологического фактора (общность генофонда в рамках этноса), определяющего доминирующие психофизиологические типы нервной системы (Г. В. Старовойтова)³. Однако все участники обсуждения были достаточно единодушны в том, что «сферу национальной психологии образуют чувства, переживания, привычки, обычаи, традиции, вкусы, установки и т. д., в которых отражены особенности национального бытия, национальной истории, интернациональные связи и взаимодействия» (А. Ф. Дашдамиров)⁴, в том, что «в центре внимания оказываются этнические установки, стереотипы самосознания» (И. С. Кон)⁵, т. е. в отношении к предмету этнопсихологии вопросов, по традиции изучаемых как проблематика обыденного сознания. Это положение наиболее отчетливо выражено в статье Ю. В. Бромлея: «Проще вопрос о наличии этнической специфики в содержании обыденного сознания. Это прежде всего относится к так называемым „значениям“—стереотипам, фиксирующим типичные для членов этноса „понятия“, „знания“, „умения“, „нормы поведения“. Представляя „пограничную зону общественного сознания“ (на его обыденном уровне) и бытовой культуры, эти стереотипы выполняют важную функцию в воссоздании характерных для каждого этноса свойств... Важное место в системе стереотипов-значений занимают представления человека об окружающей нас действительности, себе самом, своих отношениях с этой действительностью и окружающими людьми, т. е. так называемые модели мира»⁶.

Представление о модели мира, присущей обыденному сознанию представителей того или иного этноса, а значит, и о возможности типологизации этносов по их имплицитной картине мира сближает позиции Ю. В. Бромлея с методологическими построениями патриарха советской психологии А. Н. Леонтьева, касающимися образа мира⁷, понимаемого как наиболее общая концептуальная структура, в рамках которой инте-

² Сов. этнография. 1983, № 2—4.

³ Сов. этнография. 1983, № 3.

⁴ Сов. этнография. 1983, № 2. С. 66.

⁵ Сов. этнография. 1983, № 3. С. 77.

⁶ Сов. этнография. 1983, № 3. С. 71.

⁷ Леонтьев А. Н. Психология образа//Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология. 1979. № 2. С. 3—13.

грируются отдельные процессы восприятия, памяти, мышления и вытекающими из этого представлениями о возможности проведения индивидуальной психодиагностики личности по ее образу (тех или иных локусов) мира, реализуемой психосемантикой.

Картина мира субъекта как представителя того или иного этноса, включающая не только познавательные (когнитивные), но и ценностные (аксиологические) компоненты, и является, на наш взгляд, тем общим объектом анализа этнографии и психологии, который задает возможность методологической стыковки двух наук и выступает мостиком, связующим их интересы. Оговорим при этом, что человеческое сознание является гетерогенным⁸ и наряду с национальной принадлежностью его системообразующими факторами являются, конечно, половая, возрастная, социально-профессиональная принадлежности человека. Значимость этих факторов различна в разных содержательных пластах обыденного сознания, и дифференцировать их влияние можно только на основе специально организованного многофакторного исследования.

Обращение А. Н. Леонтьева к категории «образ мира» связано с дальнейшей разработкой теории сознания, заложенной в трудах Л. С. Выготского⁹. Критикуя традиционные представления о сознании как «сцене, на которой разыгрывается психическая жизнь человека, в которой само сознание (сцена) не участвует» и следующее отсюда представление о пассивности и неизменности сознания, А. Н. Леонтьев развивает семиотическую модель сознания, где его образующей выступают исторически выработанная и несущая совокупный общественный опыт система значений в единстве с личностными смыслами, задающими пристрастный, связанный с мотивами и потребностями характер сознания.

Исследование содержания, генезиса и функционирования индивидуальной системы значений, присущей субъекту, осуществляется в психологии методами экспериментальной психосемантики и связано, в частности, с построением субъективных семантических пространств¹⁰, являющихся формой модельного представления такой системы значений. Субъективные семантические пространства выступают своеобразным мета-языком, в рамках которого осуществляется содержательный (семантический) анализ исследуемых объектов (понятий, изображений, материальных предметов культуры и т. п.); их построение связано с группировкой признаков (шкал, дескрипторов) исходного языка описания в более емкие категории-факторы, отражающие основания классификации (категоризации), сознательно или неосознанно используемые субъектом. Исторически семантические пространства являются дальнейшим развитием теории семантических полей (И. Трир, В. Порзиг, Л. Вайсбергер и восходят к идеям В. Гумбольдта, ставившего задачу реконструкции «духа народа» через особенности «внутренней формы» (грамматики семантической структуры) его национального языка. «Разные языки — это не различные обозначения одного и того же предмета, а различные видения его...»¹¹. Методологические воззрения сторонников теории поля близки к теории «лингвистической относительности» Сэпира-Уорфа и базируются на платформе неокантианства. Использование методов современной многомерной статистики, требующей применения ЭВМ, сделало возможным переход от одномерных семантических полей к многомерным семантическим моделям, которыми являются семантические пространства и описания в рамках последних психологической структуры значения¹².

⁸ *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930; *Тулльviste П.* О теоретических проблемах исторического развития мышления//Принцип развития в психологии. М., 1978.

⁹ *Выготский Л. С.* Мышление и речь. М., 1934.

¹⁰ *Петренко В. Ф.* Экспериментальная психосемантика: исследование индивидуального сознания//Вопр. психологии. 1982. № 5; *его же.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в сбыденном сознании. М., 1983.

¹¹ *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 9.

¹² *Леонтьев А. А.* Психологическая структура значения//Семантическая структура слова. М., 1971.

В методологическом плане советская психология реализует «деятельностный принцип», согласно которому «значение является превращенной формой деятельности» и демиург «образа мира» — не сам язык, несущий в себе совокупный общественный опыт, а специфика бытия и истории человеческой общности. Тем не менее признается, что в функциональном плане структуры языка во многом направляют и структурируют мышление и индивидуальную деятельность субъекта.

Построение субъективных семантических пространств включает реализацию трех последовательных этапов.

На первом этапе устанавливаются семантические связи анализируемых объектов. В специально организованной искусственной деятельности, моделирующей реальные речемыслительные процессы, испытуемые оценивают различные объекты по шкалам, классифицируют их, дают на них ассоциации, оценивают их субъективное сходство; организируются диалоги испытуемых с помощью заданных символических средств, например, пословиц, поговорок и т. п.; вырабатываются условные реакции на анализируемые объекты и через их генерализацию устанавливаются семантические связи объектов и т. п. Важно подчеркнуть, что установление семантических связей значений осуществляется не путем интроспекции (самонаблюдения), а в режиме «употребления», и испытуемые могут не осознавать, на основе чего производят тот или иной выбор, ту или иную оценку.

Второй этап психосемантического эксперимента состоит в выделении структур, лежащих в основе семантических связей. Он заключается в применении процедур факторного и кластерного анализа, многомерного шкалирования к исходной матрице семантических связей. Наконец, третий шаг психосемантического эксперимента включает интерпретацию выделенных структур, осуществляемую на основе поиска смысловых инвариантов пунктов, входящих в фактор или кластер, а также на основе дифференциации анализируемых объектов в рамках этих структур. Для облегчения интерпретации в исходный набор объектов вводятся эталонные объекты с заданным набором признаков, привлекаются экспертные судьи, осуществляется конвергентная валидность, т. е. сопоставление выделенных факторов с данными других, уже апробированных методик, и т. д.

При геометрическом представлении семантических пространств выделенные факторы-категории представляются в виде координатных осей некоего n -мерного евклидова пространства, а анализируемые значения описываются как координатные точки внутри этого пространства. Исходя из нагрузок значений (проекций их на координатные оси), осуществляется их семантический анализ на языке категорий — факторов. Геометрические расстояния между соответствующими координатами значений отражают отношения их семантического сходства и различия.

Отдельные параметры семантического пространства выступают операциональными коррелятами когнитивной организации сознания. Так, размерность семантического пространства (число независимых факторов) отражает когнитивную сложность субъекта (или группы субъектов) в некоторой содержательной области. Сознание человека гетерогенно, и субъект может иметь высокую когнитивную сложность (множество оснований категоризации), например, в оценке систем родства и низкую при классификации видов флоры и фауны, высокую в политической терминологии (дифференциации политических партий по множеству оснований) и низкую, скажем, в сфере межличностного восприятия.

Другим существенным параметром является само содержание выделенного фактора, т. е. группировка отдельных взаимосвязанных признаков в целостную структуру категоризации (конструкт). Например, для раннехристианской этики было справедливым утверждение «легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в рай». Если перейти на язык психосемантики, то можно сказать, что признаки «богатство» в различных раннехристианских текстах и «богоугодность» имеют отрицательную корреляцию, и при представлении их в виде век-

торов в семантическом пространстве угол между этими векторами будет близок к 180 градусам. В буржуазной этике справедливым окажется, очевидно, противоположное мироощущение, для которого материальное преуспевание является свидетельством богоугодности человека, и угол между соответствующими векторами будет близок к нулю, т. е. в сознании богатого ремесленника эти понятия будут почти синонимичными.

Параметром, отражающим субъективную важность того или иного основания категоризации, связанным с мотивационной сферой личности является мощность выделенных факторов, определяемая вкладом фактора в общую дисперсию. Семантическое пространство, как резиновая пленка, растягивается по направлению ведущих оснований категоризации, меняя масштаб единиц измерения и влияя на вклад отдельных признаков в суммарном сходстве или различии объектов анализа.

Интеркорреляции факторов наряду с рядом других параметров (например, униполярность — биполярность фактора) несут в себе информацию о взаимосвязи отдельных параметров категоризации и также отражают когнитивную сложность субъекта. Наконец, размещение значений в семантическом пространстве позволяет построить фрагмент образа мира субъекта в той или иной содержательной области, провести психодиагностику, отнести субъекта к тому или иному типу личности в рамках восприятия и отношения к этому фрагменту действительности.

Построение субъективных семантических пространств, являющихся как методом семантического анализа, так и формой модельного представления категориальной структуры сознания, наряду с широким применением в психологической науке находит свое применение и для культурно-сопоставительных исследований.

Предложенное ниже экспериментальное исследование этнических стереотипов в семейно-бытовой сфере, традиционно являющейся областью этнопсихологического анализа¹³, представляет собой попытку иллюстрации психосемантического подхода к этнографии.

Исследование этнических стереотипов проводилось в рамках разработанной нами методики *множественной идентификации* и осуществлялось на материале двух культур: азербайджанской¹⁴ и русской. Метод заключается в том, что оценка психологического сходства (степень идентификации) образов самого себя и обобщенных образов других людей (так называемых ролевых позиций) осуществляется через сходство приписываемых им поступков. *Испытуемыми* были 80 девушек в возрасте от 20 до 23 лет, незамужние; половина из них — студентки филологического факультета Азербайджанского педагогического института, другая половина — студентки филологического факультета МГУ.

Процедура эксперимента. Испытуемые оценивали вероятность (или степень естественности) совершения ряда поступков (например, «поместить брачное объявление в газете», «выйти замуж за представителя другой национальности», «распоряжаться семейным бюджетом» и т. д.) — всего 90 поступков, по некоей 6-балльной градуальной шкале (где 0 — означает «никогда», 5 — «всегда») со следующих ролевых позиций: «я сама»; «моя мать»; «идеал женщины, с моей точки зрения»; «идеал женщины, принятый в обществе»; «типичная женщина»; «женщина 40 лет назад»; «женщина через 20 лет»; «женщина с неудавшейся личной жизнью»; «презираемая мною женщина»; «русская» — для испытуемых-азербайджанок; «азербайджанка» — для испытуемых-русских; «грузинка»; «эстонка».

Процедура обработки данных: ответы отдельных испытуемых суммировались в две общегрупповые матрицы данных, отдельно для азербайджанской и русской группы испытуемых (см. табл. 1). Таким обра-

¹³ См., например, Дробижева Л. М. Духовная общность народов СССР. М., 1981; Опыт этносоциологического исследования образа жизни. М., 1980; Социальный и культурный облик советских наций. М., 1986; Старовойтова Г. В. Этническая группа в современном советском городе. М., 1987.

¹⁴ В проведении эксперимента принимала участие стажер-исследователь Л. А. Алиева.

зом, в каждой соответствующей графе на пересечении ролевой позиции и поступка могли бы стоять числа от 0 (если ни один испытуемый не приписал ни одного балла данной ролевой позиции по данному поступку) до 200 — максимально возможной суммарной оценки для 40 испытуемых. Но для удобства чтения матрицы даются полусуммы суммарных данных, т. е. числа от 0 до 100.

Наиболее простой и общедоступной формой обработки исходной матрицы данных является сопоставление ролевых позиций путем подсчета парных коэффициентов корреляций оценок поступков, приписанных этим позициям, т. е. вычисления коэффициентов парной корреляции вертикальных столбцов исходной матрицы данных (табл. 2).

Сопоставляя корреляционные матрицы азербайджанской и русской выборок, можно зафиксировать, что и у азербайджанских, и у русских девушек высокая степень совпадения образа «я» и «идеала» (0,9/0,8). У азербайджанок более высокая идентификация с образом матери (0,8) по сравнению с русскими девушками (0,6). Индивидуальные идеалы в интимно-личностной сфере обеих групп испытуемых в значительной мере совпадают с общественными (0,9/0,9). Однако представления об «идеале с точки зрения общества» значительно расходятся для русской и азербайджанской выборок. Так, если для русских «идеал с точки зрения общества» высоко коррелирует с «женщиной через 20 лет» и дает нулевую корреляцию с женщиной прошлого — «женщиной 40 лет назад», то для азербайджанских девушек картина обратная. По их мнению, «идеал с точки зрения общества» больше походит на женщину прошлого (0,8), чем на женщину будущего (0,2). Это отношение противоположной «временной ориентации» русских и азербайджанок сохраняется, но в меньшей степени и для «индивидуального идеала». Так, «индивидуальный идеал» русских больше коррелирует с «женщиной через 20 лет» (0,6), чем с «женщиной 40 лет назад» (0,2), «индивидуальный идеал» азербайджанок больше напоминает «женщину 40 лет назад» (0,5), чем «женщину через 20 лет» (0,4). Интересно тем не менее отметить, что, несмотря на противоположную «временную ориентацию» «индивидуальных идеалов» двух выборок, по сравнению с «идеалом с точки зрения общества» «индивидуальный идеал» русских девушек несколько сдвинут в сторону традиционного образа женщины, а «индивидуальный идеал» азербайджанок — в сторону «женщины будущего». Таким образом, в своих «индивидуальных идеалах» русские и азербайджанские девушки дают более сходные позиции по сравнению с позициями, задаваемыми их культурно-национальной средой. Налицо сближение стереотипов в семейно-бытовой сфере молодых представительниц разных национальностей. Так, коэффициент корреляции ролевых позиций «мой идеал» у русских и азербайджанок составил $r=0,5$. Образ «типичной женщины» для русской выборки также ближе к образу «женщины будущего» (0,7), а образ типичной азербайджанки в сознании азербайджанок ближе к образу «женщины 40 лет назад» (0,7). Интересно наличие значимой корреляции образа «типичной женщины» и образа «женщины с неудавшейся личной жизнью» (0,5), полученной по результатам русских испытуемых. Ниже мы еще вернемся к обсуждению этой зависимости.

В плане сопоставления образа женщины собственной национальности («типичная женщина нашего общества») и представительниц других национальностей проявился эффект центрации¹⁵, вызванный большей дифференцированностью сознания в зоне собственного национального автостереотипа и меньшей различающей способностью на периферии своей культурологической области. Так, образ «типичной женщины» своей культуры для обеих выборок испытуемых мало на кого похож из представительниц других национальностей. Но для сознания русских испытуемых высоко совпадают образы азербайджанок и грузинок (0,9), а для азербайджанских девушек похожими оказываются русские и эс-

¹⁵ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969.

Фрагменты общегрупповых матриц по данным

Поступок	Рольевые	
	я	моя мать
Познакомиться с парнем на улице, поддержав завязанный им разговор	18/71	0/52
Послать брачное объявление в газету	0/20	0/5
Испытывать постоянную потребность в новых людях	82/67	71/32
Стремиться к высшему образованию	88/87	45/55
Изменить мужу в ответ на его измену	8/38	1/14
Рассказывать сослуживцам о конфликте с мужем	4/5	12/11
Шить и вязать для семьи	63/80	80/91
В присутствии друзей мужа сделать ему замечание	0/44	8/46
Скрыть от мужа, что сделала дорогую покупку	11/16	8/19
Скорее терпеть претензии свекрови, чем пойти с ней на конфликт	72/33	88/56
Курить сигареты	0/32	0/5
Активно участвовать в общественной жизни	48/60	43/68
Прожить жизнь, не вступая в брак	11/27	0/27
Ходить на танцы или дискотеку	60/90	7/57
Считать, что лучше развестись с нелюбимым мужем, чем терпеть его ради детей, к которым он внимателен и заботлив	31/59	0/56
Переживать бессмысленность своей жизни	44/75	43/60
Посплетничать с соседями	16/52	12/36
Быть гостеприимной и приветливой с друзьями мужа, которые тебе не нравятся	38/64	50/83
Распоряжаться семейным бюджетом	38/79	30/78

* Первые числа характеризуют азербайджанок, вторые (через косую черту) — русских испытуемых.

Матрицы интеркорреляций рольевых позиций

Рольевые позиции	я	моя мать	мой идеал	общественный идеал	типичная женщина
1. Я		0,8/0,6	0,9/0,8	0,8/0,9	0,8/0,6
2. Моя мать			0,8/0,6	0,9/0,6	0,8/0,3
3. Мой идеал				0,9/0,9	0,8/0,3
4. Идеал общественный					0,9/0,6
5. Типичная женщина					
6. Женщина 40 лет назад					
7. Женщина через 20 лет					
8. Женщина с неудавшейся личной жизнью					
9. Русская/азербайджанка *					
10. Грузинка					
11. Эстонка					

* Девятая рольевая позиция: «русская» — для азербайджанок и «азербайджанка» — для русских испытуемыми позициями в представлении азербайджанок, а цифра через косую черту — соответствует корреляции

тонки (0,8). Этот интересный эффект большей дифференцирующей силы сознания в зонах, примыкающих к личностной сфере человека (моя национальность, моя профессия, мой индивидуальный жизненный ареал — дом, район, город..., круг моих интересов и т. п.), является, очевидно, универсальным применительно к любой содержательной области, которая становится объектом осознания человека. Так, например, в ряде исследований Б. М. Величковского¹⁶, проведенных совсем на другом материале, был описан сходный эффект центрации, вызванный «пристраст-

¹⁶ Величковский Б. М., Блинникова И. В., Лапин Е. А. Представление реального и воображаемого пространства // Вопр. психологии. № 3. 1968. С. 103—112.

азербайджанской и русской выборки

позиции						
идеал женщины, с моей точки зрения	идеал женщины, с точки зрения общества	типичная женщина нашего общества	женщина 40 лет назад	женщина через 20 лет	женщина с неудавшейся личной жизнью	женщина, которую я презираю
18/56	2/67	30/67	0/32	72/76	60/72	80/52
8/13	0/33	15/28	0/6	67/59	64/72	60/64
81/68	70/74	58/79	50/48	90/75	76/56	44/60
76/95	61/95	65/65	25/42	100/86	28/78	24/42
12/30	16/43	32/56	0/29	55/55	48/55	72/83
8/0	15/10	40/52	16/21	52/30	61/64	71/82
91/92	80/96	67/80	84/72	83/72	48/64	28/32
0/33	13/31	31/48	0/34	54/55	56/72	88/69
6/4	17/15	34/54	10/32	28/40	60/64	81/82
55/44	88/52	67/51	99/65	28/38	43/56	36/82
8/5	0/54	26/68	0/8	56/55	58/72	64/84
64/74	44/70	55/63	16/45	84/78	52/71	24/64
0/24	0/32	11/46	0/33	36/44	26/56	40/51
60/81	16/98	46/83	4/76	60/95	54/63	76/76
47/51	9/66	36/64	4/36	64/72	43/52	80/64
6/50	4/44	44/41	50/30	48/64	68/88	44/16
10/26	20/46	48/79	44/68	76/64	62/64	78/84
41/84	68/72	50/60	64/72	98/56	50/48	20/21
32/66	32/76	51/88	16/61	80/84	52/77	60/66

Таблица 2

для азербайджанской/русской выборки

женщина 40 лет назад	женщина через 20 лет	женщина с неудавшейся личной жизнью	русская/азербайджанка	грузинка	эстонка	женщина, которую я презираю
0,6/0,2	0,3/0,7	0/0,3	-0,1/0	0,3/0	0/0,4	-0,6/-0,4
0,9/0,6	-0,1/0,1	0/0,2	-0,4/0,1	0,1/0,2	-0,3/0,1	-0,6/-0,5
0,5/0,2	0,4/0,6	-0,1/0,2	0/0	0,3/0	0/0,5	-0,6/-0,5
0,8/0,2	0/0,7	0/0,3	-0,3/0	0,1/0	-0,3/0,6	-0,7/-0,4
0,7/0	0,1/0,7	0/0,5	-0,2/0,2	0,2/0,1	0,2/0,4	-0,5/0,2
	-0,3/-0,3	0/-0,1	-0,5/0,4	0/0,5	-0,5/-0,1	-0,5/-0,2
		0/0,4	0,4/-0,1	0,3/-0,1	0,4/0,6	-0,1/0
			0,2/-0,1	0,4/-0,1	0,2/0,4	0,4/0
				0,6/0,9	0,8/0,0	0,4/0,2
					0,6/0	0/0,1
						0,3/0

ных. В этом столбце первая цифра показывает корреляции образа русской женщины с другими ролевыми образами азербайджанки другими ролевыми позициями в представлении русских женщин.

ной позицией наблюдателя»: при построении карты-схемы образа местности расстояния между пунктами пространства, хорошо освоенными, человеком переоценивались, а расстояния между пунктами, в которых человек редко бывал, недооценивались. Так, в сфере, примыкающей к системе отсчета «я», сознание более дифференцировано и семантическое пространство имеет как бы больший масштаб. Перефразировав известное изречение Ф. Бекона «Знание — сила», можно сказать: «Знание порождает пространство».

Семантические пространства для азербайджанской и русской выборки. Более сложной формой обработки данных и одновременно формой

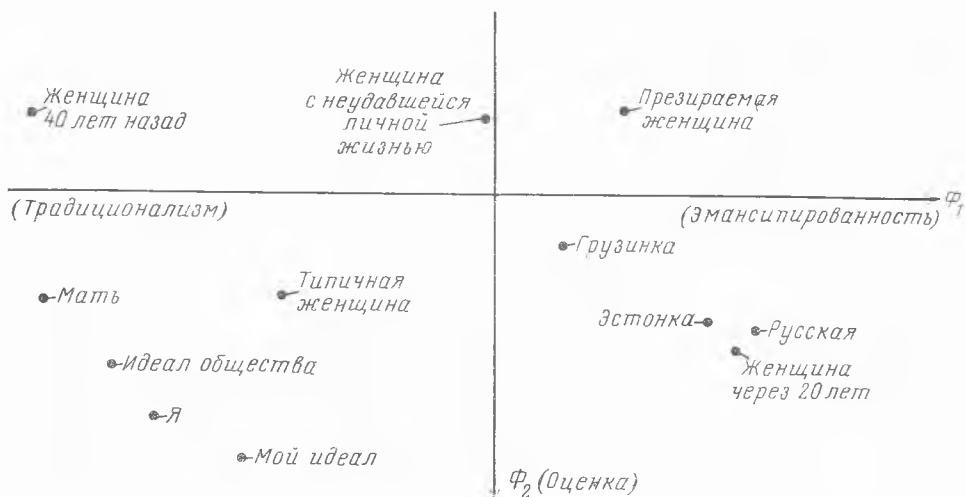

Рис. 1. Ролевые позиции в семантическом пространстве поступков ($\Phi_1\Phi_2$) для азербайджанской выборки

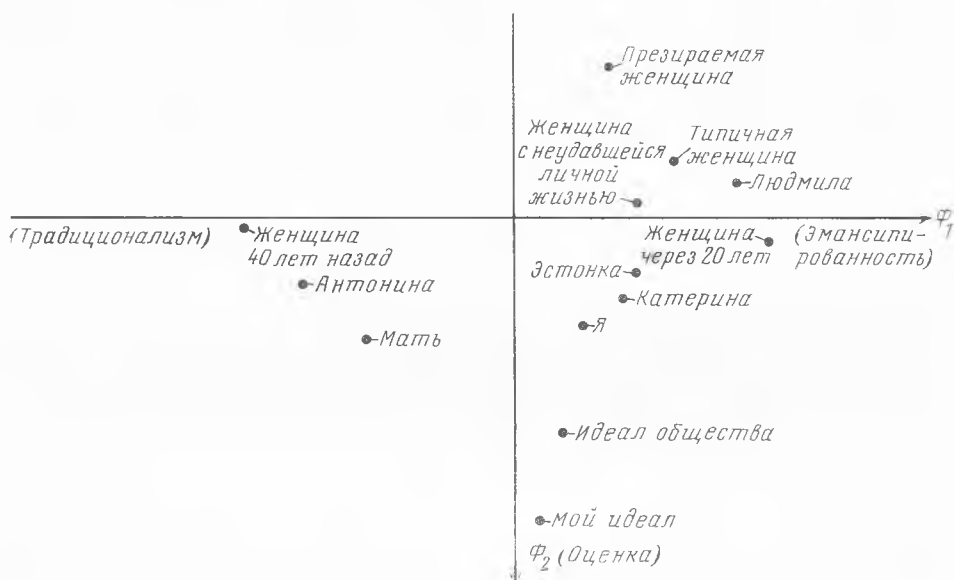

Рис. 2. Ролевые позиции и образы киногероинь художественного фильма «Москва слезам не верит» в семантическом пространстве поступков ($\Phi_1\Phi_2$) для русской выборки

их представления является построение субъективных семантических пространств, являющихся операциональным аналогом категориальных структур индивидуального сознания. Построение семантических пространств основано на использовании факторного анализа. Факторный анализ позволяет уменьшить исходное пространство поступков (в нашем случае 90), по которым дифференцируются ролевые позиции, и свести множество взаимосвязанных (высококоррелирующих) поступков к неким обобщенным факторам, объединяющим сходные поступки в одно измерение. Мерой сходства отдельных поступков является сходство оценок, приписываемых им испытуемыми с различных ролевых позиций. Выделяемые факторы отражают основания классификации, которыми сознательно или неосознанно пользуются испытуемые при сопоставлении этих поступков. При геометрическом представлении данных выделяемые факторы представляются как оси некоторого n -мерного семантического пространства, где мерность пространства определяется числом

независимых, некоррелирующих друг с другом факторов. Ролевые позиции при этом можно представить как точки или векторы внутри этого семантического пространства. Размещение ролевых позиций («я», «моя мать», «идеал женщины с моей точки зрения», «типичная женщина» и т. д.) достигается путем суммирования оценок каждой ролевой позиции по всем поступкам, входящим в этот или иной фактор (группировку поступков), и рассмотрением полученной усредненной оценки как проекции ролевой позиции на ось этого фактора. Выделение проекций ролевой позиции на все выделенные факторы позволяет восстановить ее координаты, представив ее как соответствующую точку внутри n -мерного семантического пространства. Сходство и различие анализируемых ролевых позиций (степень идентификации) будет соответствовать расстоянию между соответствующими ролевыми позициям точками внутри семантического пространства и определяться по формуле $D_{ij} =$

$$= \sqrt{\sum_{k=1}^{k=n} (x_{ik} - x_{jk})^2}, \text{ где } D_{ij} \text{ — расстояние между ролевыми позициями } i$$

и j ; x_{ik} — нагрузка (проекция) ролевой позиции i по фактору k ; x_{jk} — нагрузка ролевой позиции j по фактору k ; n — количество выделенных независимых факторов.

Обработка данных с помощью факторного анализа проводилась методом главных компонент¹⁷.

На азербайджанской выборке было выделено два значимых по критерию Хемфри¹⁸ фактора, объясняющих соответственно 69 и 18% общей дисперсии. Размещение ролевых позиций в пространстве выделенных факторов для азербайджанской выборки представлено на рис. 1.

Первый мощный биполярный фактор включал на одном из полюсов поступки типа:

Познакомиться с парнем на улице, поддерживая завязанный им разговор	+0,98
Послать брачное объявление в газету	+0,93
Вступить в интимные отношения с любимым до женитьбы	+0,93
Распоряжаться семейным бюджетом	+0,96
Пойти на конфликт с мужем, так как приходится много времени уделять его родным	+0,98
Куриль сигареты	+0,93
Ходить в турпоходы	+0,91
Активно участвовать в общественной жизни	+0,91
Прожить жизнь, не вступая в брак	+0,92
Считать, что лучше развестись с нелюбимым мужем, чем терпеть его ради детей, к которым он внимателен и заботлив	+0,97
Выйти замуж и жить вдали от родителей	+0,97
Стремиться к высшему образованию	+0,87
Принять у себя в доме бывшую подругу мужа	+0,97
Дать мужу пощечину за неуважительное обращение	+0,92
Поехать на отдых с любимым, хотя вы не расписаны	+0,96
Осуждать родителей за то, что вмешиваются в воспитание ребенка	+0,95
Заниматься спортом	+0,83
Употреблять жаргонные словечки	+0,81
Держать дома собаку	+0,81

Величины факторных нагрузок поступков соответствуют проекции вектора поступка на ось фактора и отражают, насколько смысл, заданный данным фактором, выражен в данном поступке. Знак факторной нагрузки содержательного смысла не имеет, а показывает отнесенность поступка к левому или правому полюсу фактора.

Противоположный полюс первого фактора включает, например, поступки:

¹⁷ Харман Г. Современный факторный анализ. М., 1972.

¹⁸ Об этом см. Левандовский Н. Г. О корректности применения факторного анализа // Вopr. психологии. 1980. № 5. С. 138—142.

Бросить учебу ради семьи, если возникнет такой выбор	—0,98
Считать неприличным вмешиваться в разговор между мужем и его друзьями	—0,94
Скорее терпеть придирки свекрови, чем «поставить ее на место»	—0,95
Считать, что материальное обеспечение семьи — дело исключительно мужа	—0,89
Не выйти замуж за любимого, так как этого не хотели твои родители	—0,97

Исходя из того, что наиболее полярными при ранжировании по этому фактору оказались ролевые позиции «женщина через 20 лет» и «женщина 40 лет назад», мы можем назвать этот фактор по содержанию одного из его полюсов фактором «эмансипированности» или «современности» или же по содержанию обоих полюсов фактором «изменения нравов во времени» или просто фактором «времени».

Отметим, что любой поступок может быть рассмотрен с разных позиций и оценен как хороший или как плохой. Например, такое поведение, как «стремиться к высшему образованию», имеет высокую корреляцию с фактором «современность» и положительную оценку, а такой поступок, как «изменить мужу в ответ на его измену», также имеет высокую корреляцию с фактором «современность» и отрицательную оценку (по данным наших испытуемых). Техника факторного анализа позволяет выделить за каждым фактором только какой-то один аспект, одну «чистую линию». Поэтому необходимо подчеркнуть, что группировку поступков по первому фактору следует рассматривать, отвлекаясь от их оценочных компонентов, которые (отметим, забегая вперед) выступили основанием категоризации по второму фактору. Группировка столь разнородных поступков по первому фактору, как «уметь водить машину», «послать брачное объявление в газету», «курить сигареты», «поехать на отдых с любимым, хотя не расписаны» и «заниматься общественной работой» и т. п., обусловлена тем, что помимо своего предметного и этического содержания они несут (для наших испытуемых) еще некоторую знаковую функцию — являются признаками, символами определенного стиля жизни — традиционного или современного.

Рассмотрим, например, такой поступок, как «держат дома собаку», вошедший в первый фактор на полюсе «современность». Сам по себе он может характеризовать то, что человек любит животных, и то, что полагает, что собака — надежный сторож, и то, что испытывает определенную потребность в близком, но молчаливом существе, и т. п. Но в контексте, который задает отнесение этого поступка к ролевым позициям «я», «моя мать», «женщина прошлого (40 лет назад)», «женщина будущего (через 20 лет)», «мой идеал женщины» и т. д., он выступает как дескриптор, дифференцирующий эти ролевые позиции по фактору «современный — традиционный» стиль жизни. И здесь есть свое объяснение в рамках национальной культуры. В Азербайджане в отличие от городов Российской Федерации в меньшей степени принято держать дома животных (в частности, собак). Это присуще скорее европейской культуре и может выступать как ориентирующий признак, знак определенного стиля жизни.

Второй фактор азербайджанской выборки, объясняющий 17,5% общей дисперсии, был интерпретирован как фактор «оценка». Основанием такой интерпретации послужило то, что наиболее полярными по этому фактору оказались ролевые позиции «мой идеал», «идеал общества», с одной стороны, и «женщина, которую я презираю» — с другой.

Одобряемыми поступками оказались:

Ежедневно читать газету	—0,79
Уехать в другой город учиться, несмотря на запрет родителей	—0,71
Регулярно смотреть программу «Время»	—0,68
Посещать театр, кино, выставки	—0,69
Выращивать дома цветы	—0,79
Вступить в брак с парнем «не своего социального круга»	—0,69
Испытывать постоянную потребность в новых людях	—0,61
Водить машину	—0,58

Неодобряемыми поступками оказались:

Опаздывать на работу или учебу	+0,81
Побить ребенка за непослушание	+0,97
Посплетничать с соседями	+0,72
Покупать дорогие украшения, чем больше, тем лучше	+0,80
Страдать от чувства одиночества	+0,79

Подчеркнем еще раз, что нагрузку по фактору «оценка» имеют и многие поступки, вошедшие в первый фактор «эмансипированность — традиционализм», но их содержание, связанное с «временной перспективой», «забывает» чисто оценочную компоненту. Ряд поступков типа «водить машину» имеет примерно равные нагрузки и по второму и по первому факторам. Поскольку наиболее контрастными по фактору «оценка» являются ролевые позиции «мой идеал женщины» и «презираемая мною женщина», представляется интересным рассмотреть поступки, приписываемые той и другой роли. Так, если «презираемая» может «рассказывать вольные анекдоты подругам», «проявлять свои чувства в транспорте», «принять приглашение зайти к малознакомому мужчине домой», «первой завязать разговор с понравившимся парнем», «послать брачное объявление в газету» и даже «прожить жизнь, не вступая в брак», то такие формы поведения мало вероятны или совсем исключены для «идеала женщины», в арсенале которой есть поступки типа «писать стихи» и «стремиться к высшему образованию», не свойственные «презираемой». Выявлено только несколько поступков, имеющих сходные оценки по ролевым позициям «идеал» и «презираемая». Так, и «идеал» и «презираемая» одинаково часто «делятся с родителями по поводу семейных ссор» и мало дифференцированы относительно поступка «не пустить домой друзей мужа, которых он привел из ресторана после 12 часов ночи».

На материале русских испытуемых выделено три значимых фактора, объясняющих соответственно 55, 24 и 9% общей дисперсии.

Содержание первого фактора русской выборки в целом совпадает с содержанием первого фактора азербайджанской выборки. Наиболее популярными по этому фактору также оказались ролевые позиции «женщина 40 лет назад» и «женщина через 20 лет» (см. рис. 2), и первый фактор русской выборки получил сходное наименование как фактор «эмансипированность — традициональность».

Группировка шкал по первому фактору русской выборки также соответствовала с небольшим различием группировке шкал по первому фактору азербайджанской выборки.

Так, на одном полюсе оказались поступки типа:

Познакомиться с парнем на улице, поддержав завязанный им разговор	+0,89
Послать брачное объявление в газету	+0,89
Вступить в интимные отношения с любимым до женитьбы	+0,93
Распоряжаться семейным бюджетом	+0,78
Пойти на конфликт с мужем, так как приходится много времени уделять его родным	+0,73
Куриль сигареты	+0,73
Ходить в турпоходы	+0,76
Активно участвовать в общественной жизни	+0,72
Прожить жизнь, не вступая в брак	+0,71

Противоположный полюс первого фактора объединял поступки типа:

Бросить учебу ради семьи	-0,89
Считать неприличным вмешиваться в разговор между мужем и его друзьями	-0,93
Скорее терпеть придирки свекрови, чем поставить ее на место	-0,87
Считать, что материальное обеспечение семьи — дело исключительно мужа	-0,82

Сопоставление азербайджанской и русской выборок по первому фактору. Сходная картина группировки поступков по фактору «эмансипированность» говорит о том, что интерпретация этих поступков как выра-

жающих «современный» или традиционалистский стиль жизни в целом совпадает в азербайджанской и русской культуре. Налицо незначительные отличия. Так, поступки «делиться с матерью по поводу отношений с любимым» и «не впустить в дом приятелей мужа, которых он привел из ресторана в 12 часов ночи» попали на полюс «эмансипированность» в азербайджанской выборке и на полюс «традиционализм» (патриархальность) — в русской. Наряду со сходной интерпретацией поступков по «стилю жизни» по результатам оценок двух групп имеется и ряд различий. Первое, что бросается в глаза: нагрузки поступков, входящих в первый фактор, для русской выборки ниже, чем для азербайджанской. Величина факторной нагрузки поступка (т. е. корреляция фактора с вектором, описывающим поступок) показывает, насколько силен тот смысл (соответствующий содержанию фактора), в котором выступает этот поступок в сознании испытуемых. Чем выше факторная нагрузка поступка, тем рельефнее в данном случае качество эмансипированности или традиционализма (если знак факторной нагрузки противоположный) приписывается данному поведению. Например, «курить сигареты» имеет $r=0,93$ для азербайджанской выборки и $r=0,7$ для русской; «ходить в турпоходы» — $r=0,91$ для азербайджанок и $r=0,76$ для русских и т. д.

Ряд поступков, имевших в азербайджанской выборке доминирующие нагрузки по первому фактору «современность — традиционализм» выпали из этого фактора на выборке русских испытуемых и вошли в другие факторы, описывающие другие аспекты поведения. Это такие поступки, как «прожить жизнь, не вступая в брак», «не выйти замуж за любимого, так как этого не хотели родители», «пойти на конфликт с мужем, так как много времени приходится уделять его родителям», «регулярно смотреть программу „Время“» и т. п. Например, поступок «сделать мужу замечание в присутствии его друзей» для русской выборки является не столь значимым с точки зрения «эмансипированности — традиционализма», а как показатель плохого отношения между супругами вошел в фактор «оценка». Еще раз подчеркнем, что и для азербайджанской выборки этот поступок оценивается негативно, но его символическое значение «эмансипированность — традиционализм» для сознания азербайджанок выступает более рельефно, чем для сознания русских испытуемых. Для русской выборки набор поступков, объединенных по фактору «эмансипированность — традиционализм», дополнился только одной формой поведения — «выращивать дома цветы», которая в азербайджанской выборке попала в фактор «оценка» (положительная), а в русской выборке вошла в первый фактор на полюс «традиционализма».

Меньшее количество поступков, попадающих в русскую выборку в первый фактор, и несколько меньшие величины факторных нагрузок этих поступков приводят к тому, что мощность первого фактора (вклада фактора в общую дисперсию) в русской выборке ниже, чем в азербайджанской (55% для русской выборки против 69% для азербайджанской).

Известно, что мощность фактора отражает субъективную значимость основания категоризации, соответствующего этому фактору. Субъективная значимость признака «эмансипированность — традиционализм», высокая для обеих выборок, оказалась тем не менее выше для азербайджанок. Большее количество поступков и с большим весом (большей значимостью) рассматривалось ими под таким углом зрения. Эти результаты не являются неожиданными. В силу ряда социально-исторических причин у народов Закавказья, и особенно у исторически связанных с мусульманством, существовала резкая полярность половых ролей, культивирующая доминантность мужчин и покорность женщин¹⁹. В проведенном нами совместно с Л. А. Алиевой ассоциативном эксперименте на ключевой стимул «идеальная девушка» наиболее высокочастотными ассоциациями в выборке азербайджанских девушек оказа-

¹⁹ Вагабов М. В. Ислам и семья. М., 1980.

лись качества «гордая», «недоступная», в то время как у русских девушек — качества «мягкая» и «добрая».

Большая чувствительность испытуемых азербайджанок к фактору «эмансипированность — традициональность» (а качества «гордая» и «недоступная», подразумевая некоторое «охранительное» поведение, очевидно, также затрагивают этот фактор) еще не говорит о том, что любая азербайджанка выбирает в своем поведении полюс «традициональности». Остановимся на этом подробнее. Поведение как «длящийся текст» (выражение С. А. Арутюнова) является поступком тогда, когда есть ряд альтернативных интерпретаций и оценок этого поведения с позиций различных нравственных эталонов и систем ценностей. Например, сидеть в вагоне метро не является поступком в указанном смысле, но сидеть в том же вагоне метро, когда рядом стоит пожилая женщина, — это уже поступок, так как поведение может быть оценено по нравственным меркам. Открыть лицо, сбросив паранджу, для женщины в 1920-х годах на мусульманском Востоке или, если брать более близкий пример, появиться в брюках в 1950-х годах в большом русском городе означало поступок, так как допускало различную интерпретацию и оценку и несло символическую, знаковую функцию, прочитывалось как знак эмансипированного поведения. В настоящее время эти формы поведения, став привычными, не вызывают ни одобрения, ни порицания и поступком не являются. Поведение может быть поступком для лица, совершающего его, и не являться таковым для окружающих, и, наоборот, человек может совершать в рамках незнакомой ему культуры поступок и не осознавать этого. Например, турист, зашедший по незнанию в опасный район капиталистического города, совершает легкомысленный поступок с позиции жителя этого города.

Возвращаясь к нашему эксперименту, отметим, что наличие фактора, отражающего некоторый значимый аспект поведения, в нашем случае качества «современность — традиционализм», не говорит о том, что во всех случаях жизни человек автоматически выбирает поведение, соответствующее одному из полюсов этого фактора, но показывает, что среди многочисленных аспектов, по которым оценивается тот или иной поступок, данный аспект является весьма существенным и вносящим свой вклад в проблему выбора. Выбор же остается за самим человеком.

Второй фактор русской выборки, объясняющий 24% общей дисперсии, был интерпретирован как фактор «оценка». Основанием такой интерпретации послужило то, что наиболее полярными по этому фактору оказались ролевые позиции «мой идеал», «идеал общества», с одной стороны, и «женщина, которую я презираю» — с другой.

Одобряемыми поступками оказались:

Стремиться к высшему образованию	—0,73
Ходить в турпоходы	—0,61
Быть гостеприимной с друзьями мужа, которые тебе не нравятся	—0,73
Ежедневно читать газеты	—0,76
Считать, что проявление эмоций допустимо только наедине с собой	—0,72
Развестись с любимым мужем, узнав, что у него есть любовница	—0,81
Регулярно заниматься спортом	—0,75
Посещать театры, кино, выставки	—0,64

Неодобряемыми поступками оказались:

Вскрыть и прочесть письмо, пришедшее твоему мужу от незнакомой тебе женщины	+0,98
Побить своего ребенка за непослушание	+0,92
Делиться с родителями по поводу семейных ссор	+0,83
Скрыть от мужа, что сделала дорогую покупку	+0,92
Считать, что материальное обеспечение семьи — дело исключительно мужа	+0,71
Пойти на конфликт с мужем, так как приходится слишком много времени уделять его родственникам	+0,68
Прожить жизнь, не вступая в брак	+0,76
Рассказывать коллегам по работе о конфликте с мужем	+0,86
Страдать от чувства одиночества	+0,67

Такое распределение поступков на «хорошо» и «плохо» в сознании наших испытуемых отражает нормативные знания и, конечно, может не всегда совпадать с их реальным поведением. Например, полагая, что «вскрыть и прочесть письмо, пришедшее мужу от незнакомой женщины» незитично, в реальной ситуации наша испытуемая может совершить такой поступок, оправдывая его следующим образом: «Здесь особый случай... так как очень странно... письмо от незнакомого человека», либо «...мы ничего не скрываем друг от друга», либо «...по отношению к такому негодяю нельзя себя вести иначе...» и т. п. Возможно также, что под влиянием импульса она вскроет письмо, а потом забудет об этом действии, вытеснив его из памяти, либо расплатится за нарушение этической нормы, которую сама же признает, снижением самооценки и самоуважения. В реальной ситуации, когда совершается негативный поступок, все эти моменты, как правило, присутствуют в комплексе и редко какой-либо защитный механизм полностью предохраняет ее от отрицательных переживаний или, наоборот, вслед за самообвинением и уколами совести не включаются защитные механизмы самооправдания.

Сопоставление поступков, приписываемых двум полярным по фактору «оценка» ролевым позициям «идеал женщины с моей точки зрения» и «презираемая мной женщина», показало, что для целого ряда поступков эти ролевые позиции оказались для русской выборки не столь контрастными, как для азербайджанской.

Так, *сходные оценки* для «идеала» и «презираемой» получили поступки: вступить в интимные отношения с любимым до женитьбы; выйти замуж и жить вдаль от родителей; встретив старого знакомого, пригласить его домой, хотя муж в отъезде и т. п.

Наиболее контрастными для ролевых позиций «идеала» и «презираемой» оказались поступки: перепродавать вещи с целью подзаработать...; рассказывать сослуживцам о ссорах с мужем; стараться не терять выгодных знакомств; скрыть от мужа, что сделала дорогу покупку; не выйти замуж за любимого, так как родители были против.

Таким образом, при общей сходной картине оценок у азербайджанских и русских девушек первые делают больший акцент на осуждении нарушений правил поведения в интимно-личностной сфере, в то время как вторые — на осуждении социально неприемлемых форм поведения.

Слабый третий фактор, объясняющий 9,1% вклада в общую дисперсию, включает следующий ряд поступков на одном из полюсов:

Держать дома животных	+0,76
Быть гостеприимной с друзьями мужа, которые тебе не нравятся	+0,63
Иметь дома домработницу	+0,61
Ходить на танцы или дискотеку	+0,52
Испытывать постоянную потребность в новых людях	+0,51
Делиться с матерью по поводу отношений с парнем	+0,53

Противоположный полюс этого фактора представлен поступками типа:

Переживать бессмысленность своей жизни	-0,61
Уходить из дома, когда дети устраивают вечеринку	-0,58

Небольшое число шкал, вошедших в слабый, но тем не менее статистически значимый третий фактор, затрудняет его интерпретацию. Можно полагать, что он связан с контактностью, общительностью, потребностью в наличии рядом другого живого существа в противоположность некоторой замкнутости, аутизации. Назовем этот фактор по его более выраженному полюсу фактором «общительность».

Отметим, что большинство поступков, вошедших в третий фактор, имеет также значимые нагрузки и по предыдущим факторам. Например, поступок «быть гостеприимной с друзьями мужа, которые тебе не нравятся» имеет положительную оценку по фактору «оценка» и примерно равную нагрузку по фактору «общительность», а поступок «иметь дома домработницу» имеет положительную нагрузку по фактору «общитель-

ность» и отрицательную нагрузку по фактору «оценка». Тем не менее наличие третьего фактора «общительность» наряду с первым фактором «эмансипированность — традиционализм», в целом независимых от фактора «оценка», вобравшего поступки с наиболее яркой оценочной компонентой, позволяет построить двухмерное пространство поступков на базе этих двух более дескриптивных — скорее описывающих, чем оценивающих, факторов и разместить в нем интересующие нас ролевые позиции.

Наличие такого семантического пространства, из которого выведены наиболее оценочные поступки (фактор 2), позволяет проанализировать ценностные ролевые позиции «мой идеал», «идеал общества», «женщина с неудавшейся личной жизнью» и «презираемая женщина» не по их оценочным компонентам, где результат заведомо ясен («идеал» — хорошо, «презираемая» — плохо), а описать эти образы через различия в поступках, так сказать, на уровне стилистики поведения. Так, неожиданной оказалась близость ролевых позиций «типичная женщина» и «женщина с неудавшейся личной жизнью» для русской выборки. Возможно, в этом результате сказалась профессиональная принадлежность наших испытуемых студенток-филологов. Для русской классической литературы достаточно характерным является образ страдающих героинь (вспомним героинь Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова).

Выделенные нами в эксперименте факторные нагрузки поступков внутри социокультурных матриц поведения или, другими словами, построенные субъективные, «поведенческие» семантические пространства позволяют, не проводя дополнительной факторизации данных, размещать в них (по данным оценок) наряду с ролевыми позициями образы литературных героев, персонажей кино- и телефильмов и т. п. Так, для наших русских испытуемых было проведено (на базе нашего набора поступков) шкалирование персонажей популярного художественного кинофильма «Москва слезам не верит» режиссера В. Меньшова. Три судьбы простых рабочих девушек даны в этом фильме как притча о трех путях достижения личного счастья. Героини этого фильма Катерина, Людмила и Антонина попадают в три различных квадранта нашего двухмерного семантического пространства. Скромная ткачиха Антонина (артистка Рязанова), избравшая путь надежного семейного счастья, выйдя замуж за парня из своей рабочей бригады, оказалась в семантическом пространстве рядом с ролевыми позициями «моя мать» и «женщина 40 лет назад». Сверхобщительная, современная, эмансипированная Людмила (артистка Муравьева), всю жизнь гонявшаяся за призрачным «журавлем в небе», оказалась рядом с ролевыми позициями «женщина с неудавшейся личной жизнью» и «типичная женщина». Главная героиня фильма Катерина (артистка Алентова), скромная, но современная волевая девушка, добившаяся счастья в жизни трудом и упорством, наиболее близка к ролевым позициям «я сама» и «мой идеал женщины». Такая возможность идентификации героини фильма с «идеалом» делает понятным успех фильма у широкого круга зрителей.

Подводя итог проделанной работе, хотелось бы подчеркнуть, что полученные результаты кросскультурного сопоставления характеризуют только определенные социальные группы (студенток, а еще уже — студенток-филологов). Более широкие обобщения требуют и более представительных выборок испытуемых. Предложенная читателю работа это скорее иллюстрация психосемантического подхода к выделению национальных стереотипов, понимание которых является необходимым компонентом межличностного восприятия и общения. Построение субъективных семантических пространств на базе поступков открывает, в частности, возможность построения словарей коннотативных значений не только для лексических единиц, но и для мимики, жестов, поступков (которые можно задавать не через их вербальное описание, а посредством видео-, теле- и кинозаписи). Размещение в семантических пространствах построенных на материале различных национальных культур фольклорных и литературных персонажей, конкретных исторических и

современных политических деятелей и т. д. позволяет реконструировать миропонимание и мироощущение, систему национальных стереотипов в различных содержательных сферах у представителей различных национальных культур и социальных групп. Задачи обучения иностранному языку, понимаемые в широком контексте обучения общению в рамках другой национальной культуры, широкие международные контакты, осуществляемые нашей страной, задачи идеологической борьбы и контрпропаганды делают задачу изучения национальных стереотипов и категориальных структур межличностного восприятия различных национальных областей и этносов весьма актуальной и перспективной.

Ю. Д. Анчабадзе

**НАРОДНОЕ ИСКУССТВО
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ
(социальная роль и перспективы развития)**

В последние десятилетия все более возрастает широкий общественный интерес к народному искусству — как к его традиционным образцам, так и к современным формам. Для скептиков это явилось полной неожиданностью. Ведь еще сравнительно недавно народному искусству предрекали весьма печальную участь: считалось, что оно не найдет себе места в культурном потенциале будущего «технотронного» общества, что сработанные прадедовскими способами незатейливые предметы не впишутся в дизайнерские интерьеры жилых и общественных зданий, а потому народное искусство, как явный анахронизм, обречено на постепенное исчезновение. Единственным прибежищем, где оно могло спастись от полного забвения, объявлялись музейные залы, в которых можно было бы время от времени посмотреть на экзотическую старину.

Справедливости ради нужно сказать, что для подобных пророчеств были известные основания. Опыт европейских стран показал, что развитие мануфактурного, а впоследствии промышленного производства создавало практически непреодолимую конкуренцию крестьянским промыслам и ремеслам, вследствие чего народное искусство лишалось экономических основ существования. Это привело к тому, что за период с XIX в. и до 1920—1930-х годов живая традиция народного искусства в некоторых развитых странах Запада почти полностью угасла. Вероятно, такая же участь постигла бы народное искусство и в России. В последние предреволюционные десятилетия большинство наших художественных промыслов и кустарных ремесел переживало кризис, что было блестяще проанализировано В. И. Лениным в его классическом труде «Развитие капитализма в России».

В Афро-Азиатском и Латиноамериканском регионах традиции народного искусства не были прерваны, более того, проявляли стойкость и жизнеспособность, что детерминировалось условиями патриархального быта, в которых пребывало большинство населения неевропейской ойкумены. Однако судьба народного искусства в этих регионах в обозримой исторической перспективе также не внушала радужных надежд. Во-первых, не было никаких оснований для предположения, что при столкновении с грядущей индустриализацией народное искусство стран Афро-Азиатского и Латиноамериканского регионов не повторит европейский опыт. Во-вторых, уже наблюдались факты, которые как будто говорили об этом. Процесс вестернизации сопровождается, как правило, отказом от традиционных ценностей этнической, национальной культуры и частичным или же полным восприятием американско-европейских стандартов, в том числе и в духовной культуре.